

УДК 930;94

М.Ф. Ершов

**Контрфактическое моделирование в историко-литературных источниках:
к постановке проблемы**

Аннотация. В статье рассмотрен ряд литературных произведений, в которых отображено отечественное прошлое. Их специфическими чертами является контрфактическое моделирование событий, никогда не бывших в действительности. На основе анализа данных текстов, рассмотренных как исторические источники, сделан вывод об их значительной информационной ценности. Доказывается, что выборочное использование ряда художественных произведений способно расширить наши представления о прошлом России, уточнить, детализировать или по-новому интерпретировать общественное сознание и историческую психологию второй половины XX века.

Ключевые слова: интертекстуальность, исторический источник, контрфактическое моделирование, литературное произведение, Березов, В. Иванов, М. Веллер, Т. Кибиров, И. Сталин, Т. Толстая.

M.F. Ershov

**Counterfactual modeling in historical and literary sources:
the problem statement**

Summary. The article considers a number of literary works which reflect Russia's past. Their specific features are counterfactual modeling of events which have never been in reality. On the basis of text analysis, considered as historical sources, the conclusion is made about their significant informational value. It is proved that the selective use of a number of literary works can expand our understanding of Russia's past; to clarify, detalize or re-interpret public consciousness and historical psychology of the second half of the XXth century.

Keywords: intertextuality, historical source, counterfactual modeling, literary work, Berezov, V. Ivanov, M. Veller, T. Kibirov, I. Stalin, T. Tolstaya

Одной из особенностей современной культуры стал всплеск фэнтези, в том числе и таких, где герои перемещаются в прошлое. Интерес к подобным «перемещениям» привел к появлению множества литературных произведений, художественных фильмов, специализированных сайтов. В среде любителей этих жанров даже появился свой неблагозвучный термин о путешественнике во времени: «попаданец». В итоге фантазийные произведения оказались как неформальными способами познания прошлого, так и генерацией очередных исторических мифов. Одновременно с ними в исторических дисциплинах появилось такое новое нестандартное научное направление как контрфактическое моделирование. Основателем его считается историк и нобелевский лауреат Р. Фогель

[1]. Востребованность обществом альтернативных сценариев заставляет историков определить к ним свое отношение.

Соответственно, цель настоящей публикации заключается в поиске точек соприкосновения исторической науки и неформальных точек зрения на исторический процесс. Данный поиск имеет не только академический интерес, но и прагматические основания. Так, например, преподавателю, чтобы нести научные знания подрастающему поколению, мало знать историю. Этого недостаточно. Ему необходимо учитывать интересы молодежной аудитории, быть, как теперь принято иронично говорить «в теме». Сегодня многие из изучающих историю пытаются найти в прошлом не столько общие закономерности, сколько ответы на конкретные «личные» вопросы:

«а как бы ты поступил в том или ином случае?». Если обывателю достаточно прочесть завлекательную книжку, то историку, в его профессиональных размышлениях, необходимы хотя бы минимальные методические обоснования. Как будет показано ниже, многие из них вполне допустимо обнаружить на стыке исторической психологии и художественной литературы.

В конце своей жизни советский писатель Вс. Иванов работал над рассказом «Генералиссимус». К сожалению, это, может быть, самое значительное его произведение не было закончено. Остались только черновые наброски [2, 636-679]. Фабула рассказа в общем-то проста. Весной 1945 г. в Березове больничный сторож находит гроб с сохранившимся телом сподвижника Петра Великого Александра Даниловича Меншикова. Более 200 лет назад участник дворцовых переворотов и опальный царедворец был сослан сюда, на Север Сибири, где и умер. Эвакуированный врач Гасанов, специализирующийся на переливании крови, оживляет умершего. Затем герои повести направляются в Москву: сначала по Оби, до железной дороги, далее – поездом. Их селят в гостинице. Короткая встреча со Сталиным происходит на многолюдном приеме в Кремле. Курирует врача и его пациента некто полковник Порскун, дающий «наверх» неблагоприятные отзывы о своих подопечных. Далее, судя по отрывочным наброскам рассказа, Меншиков попал в немилость и покончил с собой.

Стоит ли говорить о том, что этот рассказ никак не относится к историческим источникам об А.Д. Меншикове или жизни Березова на завершающем этапе Великой Отечественной войны? Вс. Иванов никогда здесь и не бывал. О далеком северном поселении он располагал только общеизвестными историческими сведениями. Конкретная географическая привязка и конкретная историческая личность потребовались писателю в качестве отправной точки, чтобы начать анализ общественной психологии периода позднего сталинизма. В своем исследовании Вс. Иванов идет много далее А. Дюма, для которого история стала всего лишь «гвоздем», на который он вешал свои картины. Маститый советский писатель, почти классик, был вхож в высшие управ-

ленческие круги, знал царившую там обстановку. Он умел приспособливаться, но сохранял критический настрой и никогда не был ортодоксальным сталинистом.

Фактически в рассказе Иванова происходит удвоение Сталина. Меншиков оказывается своеобразным alter ego, двойником советского диктатора. Оба они носят звание генералиссимуса, вот только Меншиков превосходит вождя. Он первый обладатель этого звания, а Сталин – последний. Меншиков покаяться и закончил свой земной путь. Царедворца забыли, и его душа успокоилась. Сталин, напротив, жив, и ему придется оставаться в общественном сознании еще долго и после собственной смерти... Оба находятся в числе победителей, оба в годы войны не жалели людских, даже детских жизней. Не случайна мысль доктора о воскресшем Меншикове: «Этот страшней Петра».

Сталин недоволен внезапным, незапланированным появлением петровского фаворита. За внешней невозмутимостью вождя скрывается его раздражение: «Что это? Зачем? Что за намек? Разрешение говорить об истории не значит воскрешать её» [2, 657]. Сталинская лаконичность, внешняя четкость, наряду с одновременной скрытой двусмысленностью подобного умозаключения, очевидны. Слово «история» имеет два значения: то, что было, и наука, которая объясняет прошлое. Получается, что Сталин противник истории в обоих значениях. Для вождя Меншиков интересен только как элемент антуража, чтобы придать дополнительный блеск собственному величию. На приеме бывший покойник выполняет точно такую же роль, какая отведена второстепенному персонажу рассказа князьку-эмигранту, вернувшемуся на Родину. Он получил мундир, необременительную должность и возможность публиковаться. Этот герой явно списан с автора воспоминаний «Пятьдесят лет в строю» реэмигранта генерала Игнатьева [3].

Воскресший покойник-генералиссимус неудобен вождю. Неизвестно, что с ним делать. Кроме того, сподвижник Петра служит напоминанием для Сталина о конечности его собственной жизни, о возможности использования и его образа в каких-то чуждых ему интересах. «Не желал бы я, что-

бы меня воскресили вроде вас», - думает о Меншикове Сталин. И, самое главное, бывший покойник не оправдывает возлагавшихся на него надежд. У него нет пиетета перед сталинскими свершениями. «Взгляд Меншикова на русскую действительность как предельно мало изменившуюся (за вычетом замеченного им улучшения вкуса водки, что вводит в рассказ ироническую струю) служит выражением авторского взгляда на неизменность некоторых существенных сторон русской истории», - так комментирует Вячеслав Иванов творческий замысел своего отца [2, 729].

Недовольство Сталина отнюдь не спонтанно. Вождь пользуется информацией полковника Порскуна. Этот представитель спецслужб мыслит максимально трезво и не заблуждается относительно личности Александра Дмитриевича. Для полковника Меншиков вовсе не герой. Он, размышляет Порскун, «в сущности – преступник», его «военные заслуги – раздуты», он – бывший хозяин ста тысяч душ крепостных рабов. Генералиссимус XVIII в., с его опытом интриг может представлять возможную угрозу и для главы советского государства. «Мертвец-то он мертвец, но себе на уме», - очень быстро делает вывод полковник. Характерно, что Меншиков также достаточно быстро разобрался в личности Порскуна. Ведь на старорусском языке слово «порскун» означало облавщик, загонщик.

Двойственность в мыслях куратора опять-таки ненавязчиво подводит читателя к сравнительному анализу личностей двух отечественных государственных деятелей. Писатель выявляет неожиданные аналогии в их судьбах и заставляет нас думать. Может быть, самые интересные страницы рассказа – это те, на которых раскрывается характер петровского вельможи. Его психологический портрет максимально убедителен, в нем нет ничего от лубка, созданного А. Толстым, или идущим вслед за классиком отечественным кинематографом. Писатель смог преодолеть и те клишированные моменты в описаниях путешественников во времени, которые присутствуют в мировой культуре, начиная с книги М. Твена «Янки при дворе короля Артура» (1889). Вс. Иванову интересен не наивный восторг дикаря перед техникой, а возможные раз-

мышления человека, много повидавшего в жизни и покинувшего эту жизнь, о русских и о России.

Меншиков, созданный талантом Вс. Иванова, это, прежде всего, человек, обладающий опытом реального руководства. Такой человек и в неожиданных, «нештатных» ситуациях не теряет головы. Меншиков Иванова отнюдь не шут, в его характере нет придурковатости. Он постоянно «застегнут на все пуговицы», умеет думать, молчалив, знает цену своим словам. Его редкие суждения весомы и убедительны. Благодаря авторскому приему нам доступны некоторые из скрытых мыслей старого полковника. Он не обольщается собственной значимостью, но не идеализирует и советских людей: «они крайне самоуверенны, - и о чем они будут советоваться с человеком, который жил свыше 200 лет назад? Они уверенно распоряжаются не только прошлым или настоящим, но и будущим!»

В рассказе Сталин оказывается даже не столько продолжателем дела Петра Великого, сколько порядков, существовавших в Московской Руси. Так, на приеме в Кремле присутствуют делегаты съезда православных священнослужителей из стран, освобожденных от фашизма. «Посмотри-ка, А.Д., на эту могучую Русь, если к ее атеистическому Генералиссимусу, по первому его мановению, сбежались попы из всех краев? Разве не красиво?» - слышим мы внутренний монолог старого политика петровской и послепетровской эпохи [2, 656]. Деликатная ситуация работы Церкви по укреплению атеистического режима доведена Вс. Ивановым до логического абсурда. Съехавшиеся в Москву церковные иерархи при встрече с воскресшим покойником просто обязаны задать себе ряд вопросов: если у человека есть душа, то где она находилась последние 200 лет у А.Д. Меншикова? В аду?

Ирония истории заключается еще и в том, что в преданиях обских угров также есть рассказ о воскресшем жителе Березовского края, который стал известен Сталину. С неуязвимым шаманом Миколой ничего не могли поделать сотрудники НКВД. Даже убитый и похороненный шаман, все-таки оживал. «Сталину позвонили, что такой шаман есть. Сталин говорит: «Таких хитрых

людей нам убивать нельзя, наоборот, таких людей нужно собрать, они нам пригодятся». (Дело-то перед войной было)» [4]. Нет оснований думать, что столичный писатель знал эту легенду. Здесь важнее иное. Существовало массовое убеждение, что в годы суровых испытаний власть должна обратиться к неким волшебным помощникам или посредникам, к людям, обладающим сверхъестественными способностями.

Интересно, что Вс. Ивановым подобные верования не только зафиксированы, но и радикально переосмыслены. Чудесным образом (но благодаря науке!) воскресший Меншиков бесполезен для своего Отечества, а для сталинского режима он даже потенциально опасен. В «Генералиссимусе» Меншиков, даже если бы и захотел, уже ничем не может помочь победоносной Красной армии. В апреле 1945 года он просто статист. Но нужен ли тогда и последний генералиссимус – Сталин? Данный рассказ отображает как общественное сознание периода позднего Сталина, так и общественное сознание, радикально изменившееся уже после смерти вождя. Он создавался в те годы, когда существовала постоянная угроза реабилитации умершего диктатора. «Генералиссимус» – своеобразное предупреждение: ведь если можно вернуть к жизни давно умершего Меншикова, то еще легче, пусть и в ином облики, вернуть недавнего Сталина и, соответственно, сталинизм.

Еще одним достоинством рассказа является реконструкция мифической веры во всемогущество советской науки и акцентирование внимания на том неочевидном выводе, что идеализированное идеологически выдержанное знание в СССР неизбежно смыкалось с религиозными представлениями. Сталин как вождь оказывался принципиально схож не только с «громким» сподвижником Петра I, но и с безвестным для Вс. Иванова шаманом из северной тайги. За поворотом Сталина к великодержавности и консерватизму на завершающем этапе войны неизбежно следовало воскрешение неотрадиционализма и неoarхаики, вплоть до регенерации латентного язычества. Именно это движение и символизирует неожиданно оживленный по воле писателя А.Д. Меншиков.

Вс. Иванов не единственный литератор,

избравший такой достаточно выигрышный ракурс для наблюдения за прошлым и настоящим. И другие значимые писатели также нередко становятся несерьезными, «грешат», сталкивая между собой исторических личностей из разных эпох. В рассказе Т.Н. Толстой «Сюжет» (1991) случайно на дуэли гибнет не А.С. Пушкин, а его противник Дантес. Тяжело раненый поэт доживает до преклонных лет, но почти ничего не пишет. Под конец своей жизни он отправляется в Симбирск – просмотреть редкие документы для завершения своей «Истории Пугачева». На улице этого поволжского городка происходит столкновение приезжего арапа и мальчишки с «калмыцкими глазами». Снежок-ледышка, брошенный дерзким мальчишкой, разбивает дряхлому Пушкину затылок. Но и юный Володя Ульянов, отдав ударов клюкой по голове и переболев, становится не противником государственной власти, а её яростным защитником. Он быстро делает карьеру и дослуживается в царской России до должности министра внутренних дел, а после его смерти этот пост должен быть передан некоему Джугашвили... [5, 318-334].

В своем рассказе Т.Н. Толстая не претендует даже на внешнюю иллюзию исторической достоверности. Созданные ею образы откровенно карикатурны, они нарочито небрежно сконструированы из привычных литературных штампов. Но те, вымышленные писательницей события, что не могли никогда состояться, вдруг заставляют нас в чем-то по-новому взглянуть на уже произошедшее. Получается, что агрессивный неразумный молодой Ленин уничтожает престарелого Пушкина. Но ведь именно такое действие – уничтожение дворянской культуры – и произошло после 1917 г. Просто в рассказе писательницы оно художественно переосмыслено и подано образными средствами. Данное произведение ставит и ряд принципиальных вопросов. Насколько далеко мог уйти А.С. Пушкин в его отказе от революционной романтики своей молодости? Какова роль случайностей в истории? Какова положительная роль насилия в истории и педагогике?

Схожие проблемы проанализированы в рассказе М. Веллера «Трибунал» [6, 133-144]. В Зимнем дворце, под негласным

надзором царя Николая I, проигравших декабристов судят А.М. Горький, С.М. Буденный и Г.К. Жуков. Председательствует на этом сатирическом суде Г.К. Жуков, начисто лишенный сентиментальности. И его приговоры восставшим много суровей, чем они были в исторической реальности. Характерно, что тройка судей здесь объединена верой в результативность насилия и пренебрежением к человеческой жизни. Судьи не просто являются послушными исполнителями, они уверены в правоте своих поступков. Перенесение жестоких советских нравов на первую половину XIX в. создает не просто комический эффект, но и служит своеобразным инструментом познания прошлого.

Жуков как профессиональный военный задает мятежному офицеру Бестужеву-Рюмину конкретные вопросы. Но внятных ответов от заговорщика о причинах пассивности на Сенатской площади он не получает. Недвусмысленное отношение советского маршала выражено в приговоре, который он с ходу диктует: «За отсутствие плана операции... За необеспечение материального снабжения операции... За полное отсутствие управления войсками в бою, повлекшее срыв операции и уничтожение противником вверенных частей... За полное служебное несоответствие званию и занимаемой должности... Твою мать, да тебя нужно было повесить до того, заранее, глядишь чего бы и вышло». Налицо образное соприкосновение дворянского сентиментализма с жестким, почти железным социалистическим реализмом. Причем это не умозрительные споры книжных литературоведов, а столкновение противоположных типичных сценариев жизненного поведения, культурных стереотипов.

В этом коротком рассказе, как и в «Генералиссимусе», также происходит своеобразное удвоение персонажей. Иронично поданные стереотипные Жуков, Буденный и Горький, как и все советские люди, должны противостоять поверженному царизму и, вроде бы, даже где-то сочувствуют декабристскому восстанию. Они же, одновременно, находятся на службе у душителя свободы Николая Первого, во многом похожего на Сталина. Такие подмены лиц и эпох есть не только литературная дань мод-

ному постмодернизму. Рассказ противостоит примитивному историческому сознанию недавно ушедшей от нас эпохи, когда каждый школьник не только знал об ошибках декабристов, судил их и не стеснялся на школьных уроках озвучивать «правильные» рецепты.

Хронологический релятивизм автора рассказа, его игра вне правил, позволяют полнее показать неравнодушному читателю, как стремление к свободе способно обернуться палачеством и деспотизмом, интернационализм – имперским величием, личная храбрость и идеалы гуманизма – сервизмом и откровенным пресмыкательством перед властью. «Трибунал» также оказывается художественным способом снятия позднейших мифических напластований на события 14 декабря, средством критически рассмотреть сходство и различие в удаленных во времени значимых событий и исторических лиц. Уточним, что параллельно профессиональными историками был осуществлен анализ обстоятельств создания мифа о якобы несгибаемых декабристах [7; 8, 237-256].

Насколько корректно и научно совмещение разновременных исторических игроков, да еще представленных в художественных текстах? И какова познавательная значимость подобной мыслительной операции? «Сравнение событий, биографий, исторических процессов принадлежит, конечно, к фундаментальным эвристическим процедурам, так как приводит к порождению новых смыслов, которых не было в сопоставляемых феноменах в отдельности», – замечает Ю.Л. Троицкий в статье «Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс». «Вероятно, приращение смысла происходит потому, что благодаря сопоставлению возникает новый контекст понимания за счет коннотативного шлейфа, который несет сравниваемые события и явления» [9, 32].

Помимо компаративистики в исторической науке бурно развиваются и иные методы, в том числе изучение альтернативной истории. Несмотря на тривиальное утверждение, что «история не знает сослагательного наклонения», один из исследователей С.А. Экшут достаточно категоричен: «Контрфактическая модель исторического

прошлого позволяет глубже уяснить суть былых событий, четко очерчивая границы незнаемого и непознанного – того, что мы привыкли именовать словом «тайна». Именно в этом качестве контрафактическая модель ведет к приращению научного знания, становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии. В истории всегда будет нечто непознаваемое, ускользающее от нашего категориального аппарата. <...> Ремесло историка потеряло бы свою неизъяснимую прелесть, если бы историку не приходилось время от времени разгадывать тайны» [10, 87].

Простое сравнение удаленных (хронологически, территориально, культурно) лиц и событий не может быть ценно само по себе. За анализом должен следовать синтез. Но данная мыслительная операция отягощена множеством не всегда полностью выполнимых условий. Так, академическая сухость и отвлеченность, допустимые при рассмотрении древней истории, не приемлемы для её новейшей сестры. В последнем случае мешают моральные критерии. Игнорировать нормальному ученому эти ограничения невозможно. Объективно изменчивая мораль максимально агрессивно преследует именно исследователя новейшей истории. И «убегать» от неё нам бессмысленно. Но и ввязываться в схватку наших предшественников, в большинстве своем ушедших в небытие («ты на чьей стороне?») также непродуктивно. Историк не может руководствоваться знаменитым латинским изречением «De mortuis aut bene aut nihil» (о мертвых говорят хорошее, или вообще ничего).

Выход из этого тупика только один – сделать все, чтобы понять тех, кто был до нас. Проникнуть в мысли и чувства, может быть, типичных, но некогда реально живших людей, невозможно без вживания в систему их предпочтений, без подключения собственных чувств. Человеческая составляющая исследовательского процесса не отменяет наших нравственных ориентиров и осуждения преступлений, но это осуждение должно дополняться состраданием и сопереживанием к эпохе и жившим в ней людям. Для такого воспроизведения исторического прошлого объективистской терминологии недостаточно. Для «связи

времен», связи между поколениями необходим эмоциональный контакт. Родители и дети не утешают друг друга правильными сухими казенными словами.

Видимо, далеко не случайно, что пока не создано классически законченной нашей истории – истории России XX в. Исследователям на их пути создают препятствия нетерпимость, пристрастность, ангажированность, жесткое следование заданным схемам, а по большому счету – личная и коллективная утрата подлинного гуманизма. С известной долей условности, можно считать, что решить эту задачу ученые-историки окончательно так и не смогли. Неспособность профессиональных исследователей была отчасти компенсирована усилиями литератора. В 1990 г., под закат Перестройки и СССР, Тимур Кибиров (Заповев Тимур Юрьевич, род. в 1955 г.) опубликовал свою знаменитую поэму «Сквозь прощальные слезы» [11]. В этом тексте, перенасыщенном цитатами, ароматом уже ушедшей от нас повседневности, старыми идеологическими штампами эскизно, «на черном» воссоздана наша непростая недавняя история.

Конечно, его поэма – не исторический труд. Более того, можно смело сказать, что автор *de facto* её и «не написал», ведь большая часть текста состоит из ранее известных клишированных фраз. Появление данного произведения по своему значению достаточно близко к авторскому варианту расшифровки хорошо известного текста, смысл которого ранее был «затемнен». Кибиров, как мог и как умел, попытался создать из фрагментов распадающейся действительности нечто цельное и хронологически последовательное. Далекое не случайно, что И.С. Скоропанова в своем учебном пособии раздел, посвященный Кибирову и его поэме, озаглавила «Каталогизирующая деконструкция <...>». Она же попыталась понять феномен популярности поэта. По мнению литературоведа, причины этого явления ей «не совсем понятны». «Возможно, – продолжает исследовательница, – какую-то роль сыграло введение в соц-артовские тексты лирического «я», о котором хочется сказать: «свой парень». В нем многие, несомненно, узнают себя, точнее обстоятельства, в которых пришлось

побывать, переживания человека, побывавшего в этих обстоятельствах» [12, 357].

Узнавание читателем себя в героях поэмы, эффект личного присутствия мало что объясняют. Таких сочинений великое множество. Но далеко не все из них имеют историческую значимость. Так, например, возможное описание в литературном тексте похмельного синдрома будет информацией не исторической, а скорее медицинской и бытовой... Дело заключается не в нарочитом демонстративном популизме поэмы Кибирова, а в системном отборе материалов, использованных для ее построения. Да, в поэме вскрыто множество повседневных примет, но это не главное. «Сквозь прощальные слезы» отнюдь не является паноптикумом запоминающихся происшествий или скопищем забавных анекдотов. Это, в первую очередь, собрание ценностных установок советских людей, искренне преданных коммунистической идеологии.

Если смотреть на поэму именно с этой позиции, то, она, несомненно, обладает качествами исторического источника. Тот отбор типичных, привычных и востребованных общественным сознанием сюжетов, который осуществил для конструирования своего произведения Кибиров, превратил его поэму в узнаваемый и достоверный образ ушедшей эпохи. Образ этот откровенно неформален, в нем отсутствуют нормативно-правовые акты, статистические материалы или конкретика человеческих судеб. Поэту важно иное. Он показывает привлекательные завораживающие черты и последующую трансформацию великой мечты в нашей стране, жизнь и гибель наших предшественников, положивших все свои силы на то, чтоб коммунистическую сказку «сделать былью».

Автор не скрывает своего критического отношения к прошлому, но он не столько осуждает его, сколько пытается понять, оплакивая своих соотечественников и их жертвенную судьбу:

Никогда уж не будут рабами
Коммунары в сосновых гробах,
В завтра светлое, в ясное пламя
Вы умчались на красных конях!

Такой принцип отношения к истории внушает уважение. В поэме «Сквозь про-

щальные слезы» цитируются действительно лучшие образцы советской поэзии. Их использование, например, гениальной светловской «Гренады», дополнительно усиливает гуманистическую составляющую произведения. Характерно, что бескомпромиссная и крайне одиозная в своих суждениях антикоммунист В. Новодворская в 2013 г. сумела написать о «Гренаде» и её авторе пронзительные, искренние и теплые слова: «Михаил Светлов <...> перекинул мостик от Серебряного века до испанской войны, до интербригад. Внизу остался ад Гражданской и ужасы ленинско-сталинской мясорубки, а к светлому и доброму идальго Михаилу Аркадьевичу Светлову не пристали ни кровь, ни грязь. Интербригады, Испания, антифашизм, мечта о коммунизме с человеческим лицом – это был святой Грааль поколения, которое полегло в московском ополчении, по дороге на Берлин, на этапах до Колымы» [13].

Своеобразным вступлением к поэме «Сквозь прощальные слезы» выступают описания запахов, окружавших некогда и сейчас еще окружающих лирического героя. Затем осуществляется переход от ароматов повседневности к аромату всего советского периода. Поэтическое описание прошлого, начатое с революционно-романтических событий, последовательно проходит всю нашу советскую историю и заканчивается Перестройкой. Эпилог поэмы – это подлинный реквием об ушедших, молитва обо всех живущих. Начинается он со строк о России:

Господь, благослови мою Россию,
Спаси и сохрани мою Россию <...>.

Заканчивается эпилог покаянием поэта о прошлом и настоящем:

Ведь мы еще глупы и молоденьки,
И мы еще исправимся, Иисусе!
Господь! Прости Советскому Союзу!

Поэма Кибирова – патриотическое произведение. Но его патриотизм негромок, в нем нет привычной для многих записных ораторов истеричности. Отсутствие агрессивности к внешнему окружению дополнительно усилено включением в состав поэмы «Лирической интермедии». Диалог с воображаемым Моцартом заканчивается тем, что главный герой Кибирова возвра-

щается из благополучной, но чужой Европы в Россию:

Там и холодно и страшно!
Там прекрасно! Там беда!
Друг мой! Брат мой, ночью ясной,
Там горит моя звезда!

Эта горящая звезда также очередное поэтическое заимствование, она перекликается с заключительными строками знаменитого стихотворения поэта Юрия Кублановского «Россия, ты моя!..» (1978 г.):

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты [14, 80].

В 1990 г. – канун выхода в свет «Сквозь прощальные слезы» – Кублановский одним из первых смог вернуться из вынужденной эмиграции назад в Россию. Получается, что поэт-постмодернист завуалированно восхищается патриотическим поступком своего конкурента поэта-почвенника, отбрасывая их идеологические и поэтические разногласия. Кибиров понимает, что до подлинного благополучия нашей стране, пока еще далеко. Она – «зона», она – «кровавая баня», здесь по-прежнему «Бьются бесы – кто кого!» И именно поэтому место настоящего патриота России, поэта-гуманиста может быть только здесь.

Тимура Кибирова принято считать иронистом, что, по мнению О. Чухонцева, не совсем верно. «Ироническая элегия» – так определил критик тот жанр, в рамках которого творит поэт. «Я бы даже рискнул, – размышляет критик, – назвать пафос его стихов антиидиотическим и целомудренным» [15, 261]. К сожалению, И.С. Скоропановой не удалось удержаться на той же высоте в осмыслении творчества Кибирова. Первоначальные рассуждения литературоведа в целом убедительны. «Тоталитарная эпоха, – жестко заявляет критик, – наконец, отошла и, как подобает, труп ее должен быть похоронен, дабы не заражал живущих. Однако, нужно, чтобы люди знали, что именно они хоронят, ибо истинный облик эпохи слишком долго был скрыт от них. Кибиров смывает грим, облагораживающий тоталитарные черты, и поэтому

широко использует материал советской культуры, из пародийно переименованных осколков которого творит собственный текст. Цитируются строки и ключевые слова из поэтических произведений, революционных и советских песен, различные сюжетные положения из популярных кинофильмов». Далее критик дотошно приводит обширный список из десятков имен авторов и названий использованных в поэме произведений [12, 361-362].

И действительно, на излете советского периода постмодернистская литература во многом выполняла функции если не могильщика, то уж точно прозектора:

Нас бросала молодость
Под лежащий камень
Нас водила молодость
Строим по нужде

Величала молодость
Корешки вершками
И желала счастья нам
В далекой Кулунде [16].

Злое разоблачительное стихотворение Нины Искренко «Поход эпигонов» пародирует знаменитые строки Эдуарда Багрицкого из стихотворения «Смерть пионерки»:

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас [17, 82-83].

Стоит обратить внимание, что пародийное стихотворение написано уже в другую эпоху и описывает отнюдь не события далекой теперь Гражданской войны. Но один из посылов этого стихотворения (1990) вполне соответствует оценкам И.С. Скоропановой поэмы «Сквозь прощальные слезы». По её мнению, тексты Кибирова звучат двусмысленно, он только «притворно соглашается» с цитируемым поэтом. Получается, что автор уничижает советских поэтов, ведь он «пародийно их переосмысливает» и, «иронизируя изображает революционного борца» [12, 362-363].

Однако если продолжить данный об-

разный ряд, то складывается следующее ощущение: критик либо никогда не была на похоронах, либо её не научили соответствующим приличиям и ритуалам. При погребении в России действительно плачут, а вот кривляться и произносить двусмысленности в адрес уже ушедших как-то не принято. Любые похороны – это итог пройденного пути и здесь не должно быть никакого двойного дна или двойной бухгалтерии. Пародирование здесь неуместно. В том и отличие Кибирова от других творцов пост-модерна, что он не пародирует, а искренне вживаясь в советское прошлое, сравнивает, итожит. Поэт размышляет о том, к какому благородному идеалу люди с чистым сердцем стремились и что из этого вышло (и положительного, и отрицательного). Итог в целом неутешителен. Да, отрицательного оказалось слишком много, хотя бы потому, что цели были ошибочные.

Но не надо думать, что устремления наших предшественников ничего нам, ныне живущим, не дали. Ведь сегодняшней мир стоит на жизни и действиях людей, пришедших сюда и ушедших отсюда раньше нас. Хорошо сказал о перспективах и тупиках нашей отечественной истории А.Г. Данилов: «стремление к свободе, проигрывая в очередной раз, не исчезало полностью и при первой же возможности, как «птица Феникс» возрождалось, стремилось заявить о себе (с разной степенью глубины и масштаба). Память о «несбывшемся» делает «лицо» России более привлекательным» [18, 423]. Заметим, что данное возрождение не возникает само по себе, для этого нужны соответствующие предпосылки. А их можно найти только в том, внешне исключительно «неудачном», прошлом и преданных ему людях.

Что поделать, наши предшественники ошибались, но никогда не ошибается тот, кто ничего не делает. Да, их ошибки часто перерастали в преступления (и преступления эти, что хорошо показано в поэме, нет смысла реабилитировать). Для людей той советской, уже ушедшей от нас эпохи, не было четкой разделительной линии между высокой идеей и преступлением во имя этой идеи. Мы же (в том числе благодаря им) не можем позволить себе такую роскошь. К нам уже приходит, по образному выра-

жению В.С. Высоцкого, «с бесстыдством шлюхи» историческая ясность. Теперь мы не можем, не имеем права закрывать глаза и отказываться видеть грань между заблуждающимся идеалистом и рассудочным циником, между революционным романтиком и откровенным демагогом, между солдатом, выполняющим свой долг, и палачом, вполне равнодушным к судьбе своих жертв.

Преодоление собственного негативизма – и в этом пафос поэмы «Сквозь прощальные слезы!» – не может быть осуществлено за счет куража над теми, кто, будучи слабым сегодня, еще недавно, не жалея своих и чужих сил, созидал будущее. Способность нашего современника к пониманию ценностей прошлого есть мерило подлинных человеческих качеств: переживаний, сомнений и действительно искренних «прощальных слез». И Тимур Кибиров в этом стремлении не одинок. Приведем строки из потрясающего стихотворения Александра Городницкого «Старики», написанного в это же время (1990 г.):

Они умирали в бою,
Черняшку глотали на завтрак,
И жизнь оставляли свою
На завтра, на завтра, на завтра.

Мне жалко больных стариков,
Наивных и непримиримых,
За то, что удел их таков, –
Дожить до падения Рима.

Свои переживших года,
Упасть не успевших в атаке,
Которым уже никогда
Родной не увидеть Итаки [19].

Главное достоинство людей советской эпохи – это их жизнь, наполненная высоким смыслом. Другой вопрос, что их идея была в одном варианте на всех, а затем перевоплотилась в казарму и лагерь. Мы ушли много дальше. Сегодня, по мнению В.Н. Шевелева, «человек имеет свободу выбора в каждой точке своей жизни и свободу преодолевать инерцию истории, в том числе навязанную прошлым опытом. В конце концов, история не злонамеренна, но она безжалостна к тем, кто не совершенствует свои смыслы, свои культурные программы в соответствии с меняющимися условиями. И опыт показыва-

ет, что главная опасность не всегда исходит из внешнего мира. Она может корениться в самом субъекте. За всю нашу долгую историю мы не заметили собственного распада, нравственной деградации, приведших нас к самой главной форме бедности – бедности наших решений. Мы недостаточно способны искать и находить пути преодоления все более сложных проблем во все усложняющемся мире» [20, 344].

Проанализированные выше «Генералиссимус», «Трибунал» и «Сквозь прощальные слезы» – это оригинальные художественные произведения. Их общая черта – интертекстуальность (этот постмодернистский термин означает включение одного текста в состав другого). Авторы рассказов намеренно перемешали разновременные пласты прошлого. Им, авторам, было интересно раскрытие характеров литературных персонажей в необычных обстоятельствах, на переломах российской истории. Заметим, что при этом литераторы не преследовали исторических целей как таковых. Но конечный результат их художественного творчества оказался двойки. Данные произведения являются провокационно расщепленными литературными текстами, и они же, одновременно, способны выступать внутренне цельными историческими источниками.

Разумеется, что авторы, создавшие данные тексты, не занимались научными исследованиями. От удачного сведения воедино разнородной противоречивой информации до полноценного исторического анализа «дистанция огромного размера». Но сбор и последовательная систематизация исто-

рически значимой информации достаточно близки к первичному этапу труда ученого-полевика или историка-источниковеда. Чем интересны эти сведения, собранные и отчасти обобщенные маститыми литераторами? Ускользящими элементами прошлого. Ароматом ушедшей эпохи. Психологически неожиданным, неординарным ракурсом. Провокационной сшибкой разновременных событий. Разные проекции при реконструкции прошлого позволяют представить нашу историю не примитивно плоскостной картиной, а «выпуклым» живым сообществом в борении неустрашимых диалектических противоречий.

Сегодня постепенно формируются новые исторические дисциплины со свежим взглядом и новыми методиками изучения событий прошлого: историческая компаративистика, альтернативная история или контрфактические исторические исследования – «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучается потенциальное прошлое, выраженное в разных альтернативах» [21, 102]. И, естественно, что данным гуманитарным дисциплинам необходима соответствующая интеллектуальная и источниковая подпитка. Расширение состава исторических источников не может не затронуть художественную литературу, в том числе и такой её периферийный аспект, как постмодернистские тексты. У истории и литературы один объект исследования – человеческая жизнь, как удачно реализованная, так и оставшаяся в мечтах и планах: от вершителей судеб – политиков, полководцев, писателей – до обычных людей, заброшенных в этот мир.

Литература

1. Fogel Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. XV. 296 pp.
2. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. Научное издание. М., 1987. 464 с.
3. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. 752 с.
4. Попова С. Микола-шаман // Литературная Россия. – 1998. – №22. – С. 16.
5. Толстая Т. Ночь. М., 2007. 416 с.
6. Веллер М. В одно дыхание. М., 2010. 412 с.
7. Эрлих С.Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб., 2006. 268 с.
8. Ершов М.Ф. Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. Ханты-Мансийск, 2010. 299 с.

9. Троицкий Ю.Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. – 2010. – № 30. – С. 26-32.
10. Экшут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. – 2000. – № 8. – С. 79-87.
11. Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Время и мы. Альманах литературы и общественных проблем. М. - Нью-Йорк, 1990. С. 168-187.
12. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. Пособие. М., 2002. 608 с.
13. Новодворская В. Российская реконкиста // The New Times. – 2013. – № 20 от 10. 06.
14. Кублановский Ю.М. Избранное. М., 2006. 352 с.
15. Чухонцев О. Имя поэта // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. VI. – С. 259-263.
16. Искренко Н. Поход эпигонов // Юность. – 1990. – № 12. – С. 94.
17. Асеев Н.Н., Багрицкий Э.Г., Луговой В.А., Тихонов Н.С. Сборник стихов. М., 1973. 191 с.
18. Данилов А.Г. Россия на перекрестках истории XIV - XIX вв. Ростов н/Д., 2010. 588 с.
19. Городницкий А. Старики [Электронный ресурс] // Используются открытые данные Интернета: URL:<http://www.gorodnit.spb.ru>> Александр Городницкий. Дата обращения: 12.04. 2014.
20. Шевелев В.Н. Все могло быть иначе: альтернативы в истории России. Ростов н/Д., 2009. 349 с.
21. Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4. – №1. – С. 102-120.

References

1. Fogel Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. XV. 296 pp.
2. Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva. Nauchnoe izdanie. M., 1987. 464 s.
3. Ignat'ev A.A. Pyat'desyat let v stroyu. M., 1986. 752 s.
4. Popova S. Mikola-shaman // Literaturnaya Rossiya. – 1998. – №22. – S. 16.
5. Tolstaya T. Noch'. M., 2007. 416 s.
6. Veller M. V odno dykhanie. M., 2010. 412 s.
7. Erlikh S.E. Istoriya mifa («Dekabristskaya legenda» Gertsena). SPb., 2006. 268 s.
8. Ershov M.F. Ocherki provintsial'nogo mira Zaural'ya: goroda i lyudi kontsa XVIII – nachala XX vv. Khandy-Mansiysk, 2010. 299 s.
9. Troitskiy Yu.L. Istoricheskaya komparativistika: epistemologiya i diskurs // Dialog so vremenem. – 2010. – № 30. – S. 26-32.
10. Ekshut S.A. Soslagatel'noe naklonenie v istorii: voploshchenie nesbyvshegosya. Opyt istoriosofskogo osmysleniya // Voprosy filosofii. – 2000. – № 8. – S. 79-87.
11. Kibirov T. Skvoz' proshchal'nye slezy // Vremya i my. Al'manakh literatury i obshchestvennykh problem. M. - N'yu-York, 1990. S. 168-187.
12. Skoropanov I.S. Russkaya postmodernistskaya literatura: Ucheb. Posobie. M., 2002. 608 s.
13. Novodvorskaya V. Rossiyskaya rekonkista // The New Times. – 2013. – № 20 от 10. 06.
14. Kublanovskiy Yu.M. Izbrannoe. M., 2006. 352 s.
15. Chukhontsev O. Imya poeta // Voprosy literatury. – 1995. – Вып. VI. – С. 259-263.
16. Iskrenko N. Pokhod epigonov // Yunost'. – 1990. – № 12. – S. 94.
17. Aseev N.N., Bagritskiy E.G., Lugovoy V.A., Tikhonov N.S. Sbornik stikhov. M., 1973. 191 s.
18. Danilov A.G. Rossiya na perekrestkakh istorii XIV - XIX vv. Rostov n/D., 2010. 588 s.
19. Gorodnitskiy A. Stariki [Elektronnyy resurs] // Ispol'zovany otkrytye dannye Interneta: URL:<http://www.gorodnit.spb.ru>> Aleksandr Gorodnitskiy. Data obrashcheniya: 12.04. 2014.
20. Shevelev V.N. Vse moglo byt' inache: al'ternativy v istorii Rossii. Rostov n/D., 2009. 349 s.
21. Nekhamkin V.A. Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. – 2011. – Т. 4. – №1. – S. 102-120.